

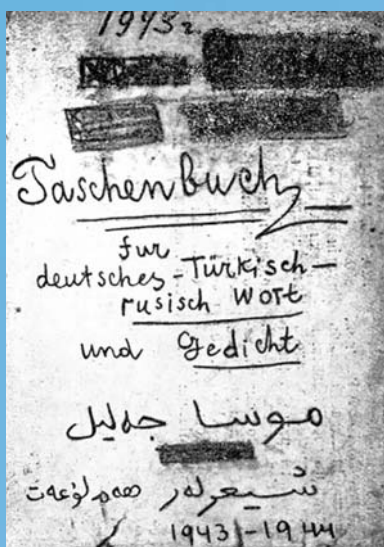
В 1944 году в фашистских застенках погиб Муса Джалиль — Герой Советского Союза Муса Мустафович Залилов, выпускник МГУ.

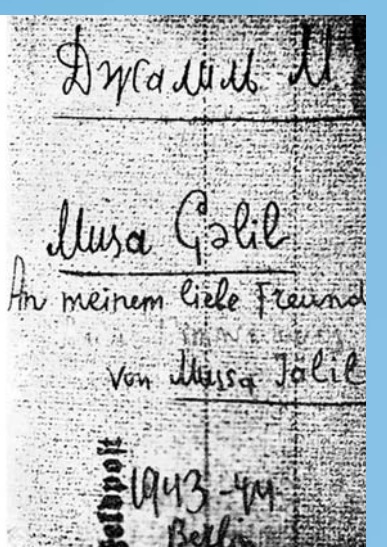
Студент Московского университета. 1929 г.

На войне

Обложка второй «Моабитской тетради»

Обложка первой «Моабитской тетради»

Фотографии из альбомов: Муса Джалиль. Казань, 1966. Муса Джалиль. Татарское книжное издательство, Казань, 1976.

Варварство

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.
У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят.
Пришёл хмельный майор и медными глазами
Окинул обречённых... Мутный дождь
Гудел в листве соседних роц
И на полях, одетых мглой,
И тучи опустились над землёю,
Друг друга с бешенством гоня...
Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел: плакали, как дети, реки,
И в ярости рыдала мать-земля.
Своими видел я глазами,
Как солнце скорбное, омытое слезами,
Сквозь тучу вышло на поля,
В последний раз детей поцеловало,
В последний раз...

Шумел осенний лес. Казалось, что сейчас Он обезумел. Гневно бушевала Его листва. Стгушалась мгла вокруг. Я слышал: мощный дуб свалился вдруг, Он падал, издавая вздох тяжёлый. Детей внезапно охватил испуг, — Прижались к матерям, цепляясь за подолы. И выстрела раздался резкий звук, Прервав проклятье, Что вырвалось у женщины одной. Ребёнок, мальчуган больной, Головку спрятал в складках платья Ещё не старой женщины. Она Смотрела, ужаса полна. Как не лишиться ей рассудка! Всё понял, понял всё малютка. — Спрячь, мамочка, меня! Не надо умирать! — Он плачет и, как лист, сдержат не может дрожи. Дитя, что ей всего дороже, Нагнувшись, подняла двумя руками мать, Прижала к сердцу, против дула прямо... — Я, мама, жить хочу. Не надо, мама! Пусты меня,пусти! Чего ты ждёшь? — И хочет вырваться из рук ребёнка, И страшен плач, и голос тонко, И в сердце он вонзается, как нож. — Не бойся, мальчик мой.

Сейчас вздохнёшь ты вольно. Закрой глаза, но голову не прячь, Чтобы тебя живым не закопал палач. Терпи, сынок, терпи. Сейчас не будет больно. — И он закрыл глаза. И заелла кровь, По шее лентой красной извиваясь. Две жизни наземь падают, сливаясь, Две жизни и одна любовь! Гром грянул. Ветер свистнул в тучах. Заплакала земля в тоске глухой, О, сколько слёз, горячих и горячих! Земля моя, скажи мне, что с тобой? Такой позор и варварство такое? Страна моя, враги тебе грозят, Но выше подними великой правды знамя, Омой его земли кровавыми слезами, И пусть его лучи пронзят, Пусть уничтожат беспощадно Тех варваров, тех дикарей, Что кровь детей глотают жадно, Кровь наших матерей...

Более 1000 добровольцев из Московского университета вступили в 8-ю стрелковую Краснопресненскую дивизию народного ополчения и прошли свой недолгий боевой путь от тяжёлых боёв в июле 1941 года под Смоленском и Ельней, до гибели в октябре под Вязмой. Как писал маршал Г.К. Жуков: «Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязмы, мы выиграли драгоценное время для обороны на Можайской линии».

С началом войны сотрудниками МГУ нужно было понять, что делать дальше. Университету было важно продолжать научную и учебную деятельность, обеспечить помощь фронту, выполнить задания руководства страны. Московский университет честь, достоинство и целостность Родины отстаивал не только на полях сражений, но и в тылу, когда с сентября 1941 по июнь 1943 года «университет без хлеба и крова, часто просто пешим ходом с тяжёлой ношей из научных приборов и учебного оборудования на плечах совершал эвакуацию из Москвы в Ашхабад, оттуда в Свердловск, а затем реэвакуацию в Москву. В тылу университет соиздал, создавая научные разработки для фронта». Достойный вклад в дело Победы внесли учёные, хотя и не участвовавшие непосредственно в боях, но совершившие подвиги на трудовом фронте. Осенью 1942 года профессора кафедры ионных процессов Н.И. Капцов, Г.В. Спивак и О.М. Райхудель в труднейших условиях эвакуации наладили работу цеха по регенерации для ламп накаливания, столь необходимых для военной промышленности. Научный сотрудник Института физики МГУ М.Д. Карасев сконструировал прибор «Ночь-1», способствовавший ночным полётам авиаторов. В университете разрабатывались и испытывались радиолокационные установки. Профессор С.Н. Ржевский работал над изучением шума судов в целях борьбы

с акустическими минами противника. Высокими правительственными наградами отмечен профессор В.Ф. Фурсов, внёсший вклад в разработки советского атомного проекта.

Великая Отечественная война была для Московского университета суровым экзаменом, и он с честью его выдержал. Своим героизмом на фронтах и самоотверженным трудом в тылу, в науке коллектив умножил свои славные традиции.

«Сороковые, роковые...» Поэзия МГУ и Великая Отечественная война

Великая Отечественная война стала одной из самых освещаемых тем русской литературы. Многие авторы знали о ней не понаслышке. Их воспоминания о войне легли в основу стихотворных произведений. Многие выпускники, студенты, преподаватели, сотрудники Московского университета, участвовавшие в боях, помогавшие в госпиталях, работавшие военными корреспондентами, оставили нам поэтические свидетельства тяжёлых испытаний, выпавших на долю нашего народа, совершившего подвиг и спасшего мир от фашизма. Среди них — Яков Алтаузен, Николай Банников, Марк Бердический, Лев Блюменфельд, Нина Бялосинская, Михаил Голицын, Муса Джалиль, Элли Дмитриев, Юрий Ефремов, Александр Жаров, Павел Железнов, Наталия Запорожец, Борис Заходер, Серафим Ковшов, Евгений Корякин, Сергей Красиков, Борис Лавренев (Сергеев), Василий Лебедев-Кумач, Николай Майоров, Владимир Макасовский, Алексей Маневич, Александр Межиров, Александр Немировский, Александр Николаев, Василий Ноздрев, Борис Орлов, Борис Петерс, Давид Самойлов, Михаил Светлов, Арсений Седугин, Александр Тверской, Ариэль Цукерман, Николай Шумаков и другие.

Николай Петрович Майоров 1919–1942

В 1938 поступил на исторический факультет МГУ. Летом 1941 вместе с другими москвичами студентами участвовал в сооружении оборонительных линий под Ельней. В октябре добровольцем ушёл на фронт. Погиб в бою на Смоленщине в феврале 1942.

Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы,
Для которой песни я пою.
Ширь России, дали Украины,
Умирая, вспомню... И опять —
Женщину, которую у тына
Так и не посмел поцеловать.

1940

Тогда была весна. И рядом
С помойной ямой на дворе,
В простом строю равняясь на дом,
Мальчишки строились в каре
И бились честно. Полагалось
Бить в спину, в грудь, ещё — в бока.
Но на лицо не подымалась
Сухая детская рука.

А за рекою было поле.
Там, сбившись в кучу у траншей,
Солдаты били и кололи
Таких же, как они, людей.
И мы росли, не понимая,
Зачем туда сошлись полки:
Неужли взрослые играют,
Как мы, сходясь на кулаки?

Война прошла. Но нам осталась
Простая истина в удел,
Что у детей имела жалость,
Которой взрослый не имел.
А ныне вновь война и порох
Вошли в большие города,
И стала нужной кровь, которой
Мы так боялись в те года.

1940

Александр Иосифович Немировский 1919–2007

В 1937 поступил на исторический факультет МГУ. С началом войны Александр Иосифович москвичами студентами участвовал в оборонных работ на Смоленщине. Окончил военное училище в Томске и находился на фронте до ранения за Одером в апреле 1945.

Расписана каким-то Пикассо,
Приобрела Москва иную ёмкость
И спрятала привычное лицо,
На миг преобразившись в незнакомку.

Классическое слово «маскарад»,
Военной заменила маскировкой.
И я иду среди слепых громад
С единственной подружкой винтовкой.

Разбросаны железные ежи,
Мешки с песком накинаны у окон.
Всё то, что я любил и чем я жил,
Вдруг сделалось пугающе далёким.

На Красной Пресне стены баррикад,
Аэростаты, спящие на тросах,
И лица треугольные солдат
При светлячке дрожащей папиросы.

1941

Двумя досками дверь моей квартиры
Забита накрест в первый день войны.
Четвёртый год я странствую по миру,
Оставленной не помня тишины.

А дома пальма без воды засохла,
Ладони листьев в трубочки свернув,
И пыль легла, как занавес, на стёкла,
Не мытые ни разу за войну.

Пока я полз и руки в кровь царапал,
Пока бежал в атаку на врага,
Здесь время шло, обрушившаяся на пол
Кусками штукатурки с потолка.

1945

Наталия Ивановна Запорожец-Проскуровская) 1923–2008

Наталя Запорожец, поступив в июне 1941 на исторический факультет МГУ и одновременно на курсы медсестёр, в октябре ушла на фронт с 3-й Коммунистической дивизией второго московского ополчения. Спустя несколько месяцев была отозвана и продолжила учёбу. Окончила истфак в 1946 по кафедре истории средних веков и аспирантуру там же.

Май 1941 г.

Снег в окне осыпается,
Словно не снег — мимоза.
В мире волна просыпается —
Снежная без мороза.
Снег валит — душа болит...

Падает снег, не тает —
С яблонь цвет облетает.
В мае — снег! Быть войне —
Старые люди пророчат.
Пушки в Европе грохочут.
Снег валит, душа болит...

1941

Надежда

На морозе серебрится
наше стылое жильё,
На стекле узор ветвится.
Как стекло, звенит бельё.
Замело вокруг дороги,
мне же видится одна:
На родимом на пороге
открывается она.
Тайно, крадучись пробьётся,
путь найдёт в сибирской мгле,
Где позёмкой изовьётся,
где дымоккой пройдёт в трубе...
Не исканнет, не обманет,
бьётся, точно песнь моя.
Сердце верить не устанет
в светлый праздник бытия.

1950, село Чалкар

Валентина Ендакова

Инна Калиновская

Нина Словохотова

Анна Еленина

Александра Макунина

Галина Комкова

Нина Сергеевна Бялосинская (Бялосинская-Бякина) 1923–2004

Нина Бялосинская в 1941 поступила в ИФЛИ. После закрытия института 16 октября была эвакуирована в г. Туринск Свердловской области. В 1942 вернулась в Москву, служила в Центральной военно-технической школе дрессировщиков: сначала вольнонаёмной, потом — красноармейцем. В 1944 выехала на фронт; в октябре того же года демобилизовалась и поступила на филологический факультет МГУ; окончила его в 1949.

1941-й

Начиналось с медных труб.
А потом —
В огонь и в воду.
Навзничь.
Удивлённый труп,
Обращённый к небосводу
Неиспытанным лицом,
Был началом —
Не концом...

1945

Смеётся девчонка семнадцати лет.
Смеётся в землянке,
приникшей к земле.
Видать, её шуткой какой-то поддели —
Смеётся девчонка в потёртой шинели.
Осколки мороза с полы отряхнув,
Промокшие ноги к огню протянув,
Смеётся девчонка, в ладонях сжимая
Горячую кружку с промасленным чаем,
И капли с ушанки роняя на лоб...
Смеётся девчонка.
Смеётся взахлёб.
Со смаком,
Со вкусом,
Да так откровенно,
Как только девчонки умеют, наверно.

1945